

Марина Семенова

сказки
для женщин

и не только...

Все мы родом из детства. Все мы любим сказки и нуждаемся в них, даже выйдя из соответствующего возраста. Все мы рисуем в своих фантазиях принцев, ну хотя бы на сером мерседесе. И все боимся признаться в этом даже самим себе...

«Сказки для женщин и не только...» — сборник философско-психологических новелл о человеческих взаимоотношениях, о сокровенных мечтах и горьких разочарованиях, о поисках любви, своего призвания в этом мире и о познании себя.

Марина Семенова

Сказки для женщин и не только...

Сказки...

Из всех детей она была самой незаметной... Одевали её неярко, воспитывали строго, баловали редко...

Но, она все равно была счастлива... В своих мечтах и фантазиях. Которыми редко с кем осмеливалась поделиться. Даже своей самой главной, а точнее сказать — единственной подруге, она рассказала о своей мечте лишь однажды, когда они пережидали дождь на берегу речки под перевернутой лодкой. Дождь получился затяжным, ждать было скучно и тогда Девочка сказала тихо:

— Когда я вырасту, за мной приедет принц... В тот день тоже будет идти дождь. Но, он не испугается дождя. Он будет сказочно смелым и очень добрым. Он примчится за мной на белом коне, а за конем будет бежать огромная собака по кличке Принц.

— Он принц и собака Принц? — фыркнула подруга, — ерунда какая-то...

— И совсем даже не ерунда... Просто мой Принц — это принц среди людей, а его собака принц среди собак.

— Сказки все это, — махнула рукой подружка и добавила сквозь зевоту: «Пошли уже. Видишь, дождь кончился!»

Дождь, действительно, кончился. А с ним кончилось и беззаботное лето, за которое Девочка очень подросла и родители отвели её в школу.

Училась она хорошо. На уроках сидела тихой мышкой за дальней партой и что-то изредка рисовала на листочках в клеточку, аккуратно вырванных из тетрадки по математике.

В школе у Девочки появились новые друзья. И новые подруги. Подруги были жутко любопытные.

«Покажи, что ты там рисуешь,» — косясь на учителя, оборачивалась одна из них, заметив на парте Девочки тетрадный листок.

«Я рисую своего Принца», — отвечала Девочка, опуская глаза и слегка краснея. На рисунке золотилась изящная маленькая карета. Из кареты выходила повзрослевшая Девочка в пышном бальном платье. У подножки её встречал Принц с букетом невероятных голубых лилий.

— Голубых лилий не бывает! Это все сказки!! — резюмировали подруги, закончив изучать картинку, и разочарованно отворачивались.

— Бывают. Очень даже бывают, — тихо, но достаточно твердо, отвечала юная художница им в спину.

Когда Девочке исполнилось пятнадцать, родители разрешили ей сходить с подружками на вечерний сеанс кино. Кинотеатр находился через дорогу и это не было легкомысленным решением со стороны родителей.

— Ну как? Понравился фильм? — спросила мама дочку по возвращению домой.

— Да... он смешной.

— Кто смешной? — не поняла мама.

— Пес. По кличке Принц.

— А что, разве фильм про собаку? — отозвался отец.

— Нет. Не про собаку.

— Тогда причем тут Принц, — снова включилась в разговор мама.

— Он шел за нами всю дорогу и нес в зубах шляпу, — ответила Девочка почему-то очень гордо.

— Какую шляпу?

— Черную.

— Опять эти сказки!! — взмолилась мама и ушла в ванну чистить зубы.

Прошло еще немного времени. Девочка стала Девушкой и поступила в институт.

В институте Девушка перестала быть такой прилежной и даже сбегала с пар в ближайшее кафе-мороженое вместе со своими сокурсниками. Она любила подтаявшее мороженое и поэтому неспешно водила ложечкой по замерзшему шарик.

— Эй, вернись на землю, подруга, — окликнула её одна из студенток: — О ком думаешь?

— О нем.

— О рыжем Петьке с параллельного потока?

— Нет. Он не рыжий. У него русые волосы и карие глаза. А еще бабочка...

— Какая бабочка? Где? Тату что-ли? На руке? — наперебой интересовались девчонки, весело хохоча.

— Нет. Не татуировка. Белая такая бабочка, из шелка. Вот здесь на шее, вместо галстука, — показала Девушка и улыбнулась.

— Фигня какая-то. Он что скрипач?

— Почему скрипач?

— Ну, или этот, как его — виолончелист!! Музыканты в таких ходят. Я видела по телику. Он на скрипке играет?

— Может и играет. Когда захочет. Он вообще может делать все, что захочет и когда захочет.

— Это почему?

— Потому что он — Принц.

— Кто?!!

— Фантазерка ты, честное слово! Ну сказала бы олигарх там... или магнат какой-нибудь нефтяной, а то принц... Сказки все это!!

— Вот-вот... Сказки не по возрасту...

Студенческие годы пролетели, прошумели, отцвели... На смену молодости пришла зрелость.

Девушка стала Женщиной.

Устроилась на скучную работу, но это её нисколько не расстраивало, потому что в обеденный перерыв она могла выходить на маленькую террасу, пить травяной чай и мечтать.

— Ну что? Опять своего принца ждешь? — подначивали её сотрудницы.

— Жду.

— На белом коне?

— Ну почему же на коне? На коне, сейчас, по городу никто не ездит.

— На белом «Мерседесе»!! — не успокаивались подружки по работе.

— Можно и на «Мерседесе», только не на белом, — совершенно спокойно отвечала улыбчивая мечтательница.

— Ну да, белый же полнит!! — веселились сотрудницы.

— Просто я не люблю белые автомобили... Они мне почему-то напоминают скорую помощь... Он приедет на сером мерседесе...

— Угу. Ты еще скажи мокрый асфальт.

— Да-да... именно мокрый! Потому что, когда он приедет, будет идти сильный дождь. Он зайдет и скажет: «Простите, можно у вас отогреться?»

— Ага... прям, как в кино...

— Ой! Взрослая уже, почти тётка... а в сказки

верит! — укоряли женщины беззлобно.

— Она не верит, она их рассказывает.

— Да... людям нужны легенды, — мечтательно пояснила рыжеволосая секретарша.

— И сказки...

— И сказки, — как эхо повторила главный бухгалтер и смачно зевнула.

Сотрудницы болтали, пили чай и не замечали, как мимо них проходила Жизнь, состоящая из осени, зимы, весны, лета... Потом, снова,... осени, зимы, весны... И, снова, лета...

Этим летом Женщина ушла в очередной отпуск, но не поехала, как всегда, на море по горячей путевке, а решила провести его на даче у своей школьной подруги, которая как раз-то на море поехала, только не по горячей, а по самой, что ни на есть, престижной путевке. Уехала и попросила старую подругу посторожить кошку, а заодно и дачу.

Женщина жила на даче и сторожила кошку. Много читала, сидела у озера и бродила по лесу, прислушиваясь к тишине и покою. Впервые она была в чужом доме совсем одна. Не считая кошки.

Но как-то вечером, невероятно дождливым вечером, в дверь тихонько постучали.

Женщина подошла к двери и, не секунды не раздумывая, распахнула её настежь. На пороге стоял мужчина в элегантном костюме с белой

бабочкой вместо галстука. Шелковой, конечно. Капли струились по его волосам, на секунду зависая в воздухе, и падали на грудь, стекая вниз многочисленными бесцветными дорожками. Женщина перевела взгляд и увидела у калитки «Мерседес». Судя по всему серый, потому как плохо различимый на фоне дождя. Кошка, которую женщина держала на руках, вдруг резко выгнулась и зашипела. Только теперь Женщина увидела огромного пса со шляпой в зубах, выглядывавшего из-за ног хозяина. «Фу! Принц! Фу...» — мягко, но властно скомандовал Мужчина и добавил: «И шляпу отдай, безобразник!» Сказал, но отбирать не стал, а встряхнув русыми мокрыми волосами, спросил бархатно, глядя Женщине в самую душу карими и знакомыми до боли глазами:

— Простите, можно у вас отогреться?»

«Не хватает только голубых лилий», — подумала Женщина, делая шаг назад.

— Ох, чуть не забыл — улыбнулся нечаянный гость и вынул откуда-то из-за спины букет голубых, до невозможности, лилий.

— Вот, это вам... Ехал с концерта и заблудился.

И снова улыбнулся.

Лишь на секунду в воздухе зависла звонкая удивленная пауза. Но, лишь на секунду.

— Голубых лилий не бывает. Это все

Сказки! — твердо ответила Женщина и закрыла перед Мужчиной тяжелую, изрядно разохшуюся дверь.

Свежеиспеченная сказка

СКАЗКА О СМЕЛОМ ЧЕБУРЕКЕ, НЕЖНОМ БЕЗЕ И МУДРОМ ХЛЕБНОМ МЯКИШЕ

В одной маленькой и жаркой пирожковой жили-были Хлебобулочные Изделия. Хлебобулочные Изделия — это то, что ты так любишь: Пирожки и Булочки, Рогалики и Пончики, Ватрушки и Батоны. И, конечно же, всеми нами уважаемый Хлеб, белый или черный. Кто какой выберет.

Жили они очень дружно. Самыми веселыми среди всех были обычные Булочки. Маленькие и душистые, они успевали побывать всюду и всех рассмешить. И даже подразнить. Они называли Батон долговязым за то, что он такой длинный и неуклюжий, Булочку с маком высмеивали за ее веснушки, а Пирожки обзывали глупыми, потому что в голове у них каша, рис и много-много всего вплоть до капусты. На смешливых Булочек никто не обижался, потому что главным над всеми был Хлебный Мякиш, который был слишком мягким

для того, чтобы кого-то наказывать. А там, где никого не наказывают, живет хорошо и весело. А там, где живет хорошо и весело, все очень добры и внимательны друг к другу.

Но вот однажды в пирожковой появился Чебурек. Он был худой и плоский. Внутри него лежали кусочки сочного, приправленного перцем мяса. Чебурек очень гордился своей иностранной фамилией и утонченным профилем. Может быть из-за перца, а может быть от того, что Чебурек приехал издалека и очень скучал по дому — характер у него был никудышный. Он постоянно ворчал, злился и называл Булочки пустоголовыми и тупыми. Хлебный Мякиш попытался заступиться за них, но Чебурек наговорил ему такого, что у Ватрушек, которые все это слышали, вспотели творожные животики.

С того самого дня, как появился в пирожковой Чебурек, все стало меняться. От хорошего — к плохому. Булочки больше не веселились, развлекавая остальных, и стали завидовать Пирожкам, у которых внутри было столько разного. Пирожки с мясом загордились и стали говорить всем, что они далекие родственники Чебурека. Батон вдруг решил, что все должны слушаться только его, потому что он самый высокий и только ему сверху все видно и понятно. Он даже обозвал белую Буханку хлеба круглой дурой. Все перессорились и

очерствели. А черствый хлеб никто, конечно, покупать не хотел.

Главный пекарь очень испугался, что к нему перестанут ходить покупатели, поехал в кондитерскую и привез оттуда нежное белое пирожное с французской фамилией Безе. Пирожное было роскошным и удивительным. А главное — у него была талия. Тонкая полосочка крема соединяла два воздушных матовых шара. Все булочки и ватрушки впали в уныние, решительно «сели» на диету и ужасно возмущались, когда их пытались помазать маслом.

Безе капризничало невероятно. «Ах, не троньте на меня! Ах, не заденьте!» — слышался с утра до вечера его тонкий голосок. И, действительно, оно было ужасно нежным. Стоило кому-то из Пирожков чуть сильнее прижаться к новой обитательнице, как от нее тут же отлетали маленькие сладкие крошки. Оно было очень хрупким, это Безе. Всем сразу захотелось защищать его и заботиться о нём.

Но больше всех удивил обитателей пирожковой Чебурек, изменившись до неузнаваемости. Он перестал злиться, ссориться и кричать на других. И всегда был рядом с Безе, оберегая его от ушибов. «Какое Безе нежное и красивое», — часто повторял Чебурек и очень смущался, когда его кто-нибудь слышал. Ватрушки

шептались с Булочками, а Батон только грустно вздыхал. Кажется, ему тоже хотелось быть рядом с Безе. Этого хотелось всем. Ведь всегда хочется быть там, где красиво.

Но вскоре Пирожное затосковало. «Я не могу жить в этой тоскливой пирожковой, здесь так жарко и скучно», — жаловалось оно бесконечно, и сладкие крошки, безутешные, как слезы, осыпались с него. Чебурек слушал жалобы Безе и всё его мясо сжималось от сострадания.

И вот, однажды утром, все обнаружили пропажу. Чебурек и Безе исчезли. Их ждали, искали, но напрасно. Чуть позже маленькая слойка с яблоками рассказывала смутную историю о том, как Безе и Чебурек сбежали в очень дорогую кондитерскую. Там Пирожное отправили на прилавок к другим Пирожным, а Чебурек отдал местному коту Ванилину, за какие-то там кошачьи заслуги. В кондитерской не нужны были Чебуреки с мясом. Слушая эту грустную историю, Булочки плакали, Ватрушки, как обычно, потели творожными животиками, а Батон вообще сломался и его отправили на сухари.

Хлебный Мякиш записал эту красивую и печальную историю — и стал писателем. С годами он несколько подсох, но не очерствел. Усевшись на большой разделочной доске, он и сейчас читает свежеиспеченным Булочкам и Пирожкам эту

повесть о настоящей любви. А заканчивает ее всегда так: «Не грустите, ребятки. Это хорошая история. Потому что жертва во имя любви и красоты никогда не бывает напрасной». И тихо добавляет, глядя куда-то вдаль влажным умудренным взглядом: «Красота спасет мир... Так говаривал один мой знакомый. Тоже хороший писатель...»

Сказка о снежных бабах

Снег неспешно опускался на землю мохнатыми белыми хлопьями. Это был настоящий праздник для Снежных Баб. Под шумок можно было освежиться, встряхнуться и даже слегка поразмяться. Следы их маневров успешно скрывал свежевывпавший снег.

Снежных баб было пять. Четыре практически идентичные: три шара, веточки-ручки, угольки-глазки, вместо носа-морковка. Их слепили на перегонки мальчишки, живущие в этом дворе. Особо не заморачиваясь, они торопились воплотить в жизнь классический мультяшно-открыточный образ. Первым закончил свое сооружение щекастый Петька, воткнув в самый верхний шар своей скульптуры ярко-оранжевую морковку. Вбуравился ей в самый мозг. От такой яростной инсталляции у его Снежной бабы еще часа два гудело в голове.

Мальчишки торопились. Уже несколько раз матери, по очереди, звали их домой в открытые форточки. До прихода Нового года оставалось чуть меньше пяти часов.

Последнюю, пятую, снежную бабу лепила тоненькая рыжеволосая девочка. Она совсем недавно переехала в их двор и поэтому, как все новое и неизведанное, обладала особой притягательностью. Разогретые духом соперничества, мальчишки вовсю старались привлечь к себе внимание громкими разговорами, задиристым смехом и всяческими пацанскими междусобойчиками.

Но, девочка так увлеклась своим занятием, что не замечала ни сгущающихся сумерек, ни любопытных взглядов юных соперников. Её снеговая фигура отличалась от своих соплеменниц не только маленьким ростом и сглаженными формами, но и всеми остальными бабьими атрибутами... Голову украшало не ведро, а пшеничные локоны, сотворенные из, взявшейся неведомо откуда, соломы. Вместо традиционной морковки, был нажёван из трех розовых жвачек, а после, умело наклеплен, крошечный курносый носик. Ручки-веточки заканчивались парой ярко-красных перчаток, а глазами служили две огромные голубые пуговицы, без тени сомнения, оторванные с новой курточки. Девочка плавно

покружила вокруг своего творения и метнулась в сторону дома. Вскоре вернулась, торжественно неся перед собой большой букет искусственных цветов.

— А это тебе еще зачем? — с недоумением спросил один их мальчишек.

Ребята давно закончили свои типовые снежно-бабьи проекты и топталась невдалеке, с интересом наблюдая за воплощением в жизнь чудных девичьих фантазий.

Девочка не ответила и попыталась разделить букет на его составляющие. Но, проволочные стебли цветов перепутались между собой и не хотели расцепляться.

— Давай помогу, — предложил один из мальчишек, осмеливаясь подойти ближе.

Девочка пристально посмотрела ему в глаза такими же небесно-голубыми, как у её снежной бабы, глазами и протянула мальчику букет. Потом подышала на свои замерзшие пальчики и опустила их в кармашки своей курточки. Мальчишка отметил, что на куртке не хватает двух пуговиц и понимающе улыбнулся. Он довольно быстро справился с поставленной задачей и протянул рыжеволосой скульпторше первый цветок. Девочка аккуратно сложила проволочку пополам, перекрутила её и воткнула ярко-желтый цветок в один из снежных шаров. Со следующим поступила точно также. Через несколько минут вся снежная

баба была щедро украшена цветами.

— Фигня какая!! Таких снежных баб не бывает! — фыркнул один из юных наблюдателей, желая поддеть девчонку. Но его никто не поддержал.

Из окон дома снова раздались призывные материнские крики:

— Колька, я кому сказала — домой!

— Андрей, ты хочешь, чтобы отец с ремнем вышел?

— Петька, я тебя больше звать не буду! Дверь закрою и будешь Новый год во дворе со снеговиками встречать!

Мальчишки, один за одним, рванули каждый к своему подъезду. Во дворе, в окружении свежеслепленных изваяний, остались стоять двое: Мальчик и Девочка.

— Смешная получилась, — улыбнулась Девочка, сняла с шеи шарфик и повязала его на плод своего вдохновения. Словно поставила точку.

— А мне нравится... — с готовностью отозвался Мальчик и увидел, как глаза Девочки заискрились сотней радостных огоньков.

— Меня Стеллой зовут, — произнесла она чуть слышно, повернулась и медленно поплыла к дому.

— А я — Сережа, — поспешил назваться

мальчишка, следуя за ней.

Небольшой двор стремительно накрывала тьма. Лишь четырехугольники окон да тусклое пятно от единственного фонаря, кое-где, рвали её на куски.

Сразу после полуночи из всех подъездов стал высыпать народ, чтобы под шумок праздника вдоволь наораться и настреляться петард. Кто-кто запустил парочку бюджетных фейерверков в мглистое зимнее небо. Изрядно принявший на грудь, электрик приставал ко всем с поцелуями, отправляя во Вселенную полный пьяного человеколюбия вопль: «Люди!!! Я вас люблю! С Новым годом!!» Развеселые жильцы еще немного пошумели, душевненько спели песню про ёлочку и рассосались обратно по квартирам.

Одно за другим гасли окна. Подслеповатый фонарь близоруко освещал затихший двор с пятью снежными изваяниями, успевшими пострадать от неуёмной человеческой радости. У одной из них, из предполагаемого рта, чуть ниже морковки, торчала недокуренная сигарета. Со второй бабы кто-то сбил с головы ведро. Безжалостно оторвали левую руку у третьей бабы, заменив её на пустую водочную бутылку. У четвертой надгрызли нос, видимо, употребив оный в качестве новогодней закуски. Нетронутой осталась лишь голубоглазая малышка в

цветочном наряде с соломенными волосами и ярко-красными ладошками.

— Тьфу, ты! Гадость какая! — раздался в тишине скрипучий, словно надтреснутый, голос.

Это ругнулась, выплевывая воткнутой в неё бычок, одна из участниц скульптурной композиции.

— Сволочи, а не люди! И чем только помешало им мое ведро!? Стою теперь вся такая лысая, неженственная, — поддержала подругу вторая из баб.

— Ага! А то с ведрами мы все тут такие женственные, обалдеть! — подключилась к разговору баба с надкушенным носом.

— Ну шо разнылись!? Мне бы ваши проблемы! Подумаешь — бычок! Выплюнула и забыла! И без ведра тожа обойтися можна! А мне как прикажете жить без одной руки-то!!!

— На фига тебе рука? — съехидничала Баба без ведра. — Вареников не лепить, младенца на руках не укачивать!

— А откуда тебе знать! Может и укачивать, — огрызнулась однорукая.

— Ой! Бабоньки! Ой, не могу! Ты от кого это младенцов-то рожать собралася? У всём дворе ни единого мужика!!

— А ты мою морковку выдерни и вставь куда пониже. Али побрезгуешь? — предложила

разбычкованная баба и заржала хрипло, по-мужски.

— Дура ты! И шутки у тебя дурацкие! — обиделась однорукая, раздраженно помахивая бутылочным протезом.

— А че такого? Люди, вон, сплошь и рядом делают операции на смену пола. А нам нельзя чё ли? Двоим из нас морковки переставить и все — конец бабьему одиночеству!! Чемпионат по парному катанию можно устраивать!

— А эта как-же? — вдруг опомнилась лысая, кивнув в сторону маленькой снежной «цветочницы», не принимавшей участия в разговоре.

Восемь угольков-глаз уставились на чудаковатую соплеменницу, дырявя её недобрый взглядом.

— Игнорирует, падла! — прошипела первая Баба и мясисто сплюнула на снег. По всей видимости мужской окурок, побывавший в её теле, успел-таки изменить характер. Не в лучшую сторону.

— Ну... да... Стоит тут... такая вся... лохматая — подключилась Баба без ведра, сверкнув лысой головой.

— С носом, как не у всех! — выкрикнула «надгрызанная» и осеклась, понимая, что брякнула что-то не то. Но, на её слова никто не обратил никакого внимания.

— Тожа мне, Дюймовочка в красных перчатках, — взвизгнула следом за ней однорукая, так взмахнув протезом, что бутылка отвалилась и, звеня, покатила прочь.

— Бей её, бабы! — перекрикивая бутылочный звон, заорала Баба-мужик и качнулась в сторону синеглазки.

Весь скульптурный ансамбль зашатался, готовый рвануть с места и затоптать нарушительницу их душевного покоя.

Но, в эти самые с минуты по двору разнесся непонятный жутковатый скрежет. И в первых отблесках наступающего утра все увидели сгорбленную фигуру сонного дворника, толкающего перед собой старую, завывающую на все лады, тачку, груженную доверху разбитыми снежными глыбами.

Бабы замерли от ужаса. Их, и без того, холодные тела, похолодели еще больше.

— Неужто по нашу душу? — пронеслось в каждой, плотно забитой снегом, голове.

Испокон веков самыми заклятыми врагами всех Снеговиков и Снежных Баб были, конечно, городские дворники. Это на их совести сотни тысяч сломленных снежно-бабьих жизней. Именно они, при помощи одной деревянной лопаты и трех матерных слов, превращают снеговые скульптуры в бесформенные груды, а затем безжалостно

сбрасывают их на дорогу, прямо под колеса мчащихся машин.

На этот раз все пошло не по сценарию. То ли дворник напился и все перепутал, то ли это был не их, а соседский дворник, решившись подгадить собрату по профессии. Кто его знает... Но дворник, тяжело дыша и откашливаясь, вывалил содержимое тачки рядом с бабьим хороводом и быстро удалился, тарыхтя на весь двор опустевшей тачкой.

Снеговые бабы проводили его затяжными влажными взглядами и разом выдохнули.

Тем временем из сваленной дворником груды снега донеслось сопение, возня и тихое, но отчетливое: «Твою мать!»

— Ой! Бабоньки! Неужто мужчина!?? — всплеснула руками-веточками Баба без ведра.

— Именно так, — отозвалась груды снега, икнула и стала медленно приобретать приятные бабьему глазу очертания. Процесс затянулся. По всей видимости собирание себя в кучу нежданному гостю давалось нелегко.

— И где же ты, милоч, так нализался? — голосом, полным сочувствия, поинтересовалась одна из зрительниц.

— Где, где... На Новом годЕ! — отшутился изрядно помятый, но полный достоинства Снеговик. — Я не нализался, я — надышался. Все дворники нынче до невозможности пьяны! —

объяснил он, поправляя на голове потрепанный цилиндр. А оправившись и оглядевшись, игриво предложил:

— О! Какие дамы! Давайте знакомиться!

— Ну, за «дам» отдельное спасибо, — прокомментировала однорукая, оглядывая Снеговика со всех сторон. — И откуда, позвольте узнать, вы к нам такой распрекрасный прибыли? С соседнего двора, шо ли?

— Обижаете, дорогуша! Мы не со двора, мы с Центральной площади прибыли!!

— Ну и как там, на площади? — поспешила поинтересоваться Баба с огрызком вместо носа.

— О! На площади совсем другая жизнь! Музыка гремит! Море огней! На площади жизнь блестит и переливается!

— Ах! Как же я вам завидую, — воскликнула однорукая, — хоть бы одним глазком взглянуть на эту другую жизнь!

— Отчего же одним? Можно и двумя! Если хотите, я могу вас туда препроводить, — с готовностью отозвался Снеговик, пододвигаясь к собеседнице поближе.

— Это она по привычке: одна рука, один глазик, — ревностно съязвила Баба без ведра.

— А ты, лысая, вообще заткнись! — заступилась за подругу надкушенная Баба. И медово обратилась к гостю с просьбой:

— Расскажите нам еще чего-нибудь про вашу блистательную жизнь. Пожалуйста!!

— Сколько угодно, мадам! — отозвался Снеговик, мгновенно переключаясь на новую собеседницу. «Мадам» заелозила на месте, пытаясь пододвинуться поближе к единственному кавалеру.

— Отвали от него, недоедок! — активизировалась Баба-мужик вмиг почувствовав себя обделенной.

— Не нужно ссорится, девочки! — примирительно пропел Снеговик, весьма довольный таким повышенным вниманием к своей помятой персоне. Артистично поправив свой изодранный шарфик, он окинул взглядом двор. «Это ж, как удачно меня выгрузили!» — подумал Снеговик и в эту самую минуту увидел перед собой широко распахнутые голубые глаза. Разноцветье на нежном теле незнакомки окончательно лишило его рассудка:

— О! Мадам! Как же Вы великолепны! — произнес он с чрезвычайным трепетом и поник.

— Мадемуазель, — тихо поправила его маленькая Снежная баба и скромно отвела взгляд.

— Бабоньки, гляньте! У нашей-то Дюймовочки голосок прорезался!! Шо ж получается — с нами разговаривать брезговала, а тут вмиг защебетала птичка!

— Ничего, ничего! Сейчас я из этой клубы

цветочки-то повыдергаю, — мрачно пригрозила однорукая.

— Давай, подруга, рви! А я после из этих цветочков ей могильный веночек сплету! — подытожила Баба без ведра.

— Тетеньки милые, пожалуйста... не надо... цветочки! Заберите себе вашего Снеговика, только оставьте мне мои цветы.

— Ах, мадемуазель, выходит я вам совсем не нужен! — воскликнул Снеговик, картинно заламывая свои, и без того заломленные руки-веточки. — Ну тогда, я пойду на главное шоссе и брошусь под колёса первого попавшегося автомобиля!

— Не нужно под колеса, — совсем отчаявшись, попросила маленькая Снежная Баба, но её слова потонули в крике прокуренной лидерши:

— Вы только посмотрите до чего эта гадина мужика довела! Такая вся особенная, в цветочках! А ну бей её, бабоньки!

Налитые упругой белой злобой, монументальные изваяния плотным кольцом обступили такую мало похожую на них соплеменницу. Возня, крики, всхлипы и яростное сопение, а затем тишина. Отчаянная такая, предутренняя.

Невнятное зимнее солнце с трудом пробилось

сквозь набухшие сонные облака и осветило небольшой дворик и груды снега, в самом его центре. Из огромного снежного месива торчали старые ведра и надломленные ветки, облетевшие лепестки цветов, одинокий смятый цилиндр и пустая бутылки из-под водки. Продрогший пес тщетно пытался выудить из снега надгрызенную морковку, а залетная ворона радостно уносила в клюве свою восхитительную добычу — голубую перламутровую пуговицу, посверкивающую в лучах утреннего солнца.

Сережка выбежал во двор первым и, первым-же, увидел следы безжалостного ночного побоища. Все, что вчера было слеплено ребятами с таким вдохновением превратилось в бесформенную грязно-серую кучу рыхлого снега. Мальчишка ринулся на поиски и почти сразу наткнулся на две маленькие красные перчатки и пестрый, изрядно вымокший, шарфик. Бережно свернул свою добычу, расправляя пальчики на перчатках, собираясь спрятать все это себе за пазуху, и тут услышал голос:

— Ну, и нафига ты все развалил? Пол дня вчера махались, а ты...

Сережа обернулся и увидел дворовых пацанов, выстроившихся в воинственное полукольцо.

— Это не я.

— А кто? — поинтересовался самый маленький из вражеского лагеря.

— Не знаю... Похоже это они сами, — ответил Сережка, удивившись собственной догадке.

— Во брешет! — пискнул Андрюха тоненько.

— А что это у тебя такое... красненькое? А-ну, покаж! — спросил щекастый Петька, выдвигаясь вперед.

— Это не твое, — отрезал Серега, поспешно пряча находку себе под куртку.

— А вот огрызаться не надо, — сказал самый рослый из пацанов и подойдя к Сергею вплотную, потянул за край куртки. Сергей среагировал мгновенно, вывернулся, сбив руку наступавшего.

— Бей его, пацаны! — завопил зачинщик ссоры и первым повалил друга на землю. Остальные поспешили присоединиться. Через минуту, сцепившись в кучу, мальчишки катались по двору живым, надсадно орущим, клубком.

Почти сразу же из подъезда выскочила и стала стремительно приближаться к дерущимся маленькая девичья фигурка. Подбежав, она подхватила одно из ведер, застрявших в разбитой куче и, быстро черпанув в него снега, опрокинула на мальчишек. Клубок мгновенно рассыпался на живые пазлы. Тяжело дыша, отфыркиваясь и сплевывая снег, пацаны понемногу приходили в себя.

— Ладно, забыли, — процедил переросток, косясь на девчонку. Потом неспешно развернулся и, прихрамывая, поковылял к дому. Остальные гуськом потянулись за ним.

— Вот... Это твое, — попытался улыбнуться разбитой губой Сережка, протягивая девочке пестрый сверток.

— Очень больно? — спросила Стела, глядя ему прямо в глаза с какой-то, очень женской, нежностью.

— А-аа... ерунда. Бывало и похуже, — тоже очень по-взрослому ответил Мальчик и протянул Девочке руку. — Пойдем?

— Пойдем, — с готовностью отозвалась она, вкладывая свою ладошку в его ладонь...

Весь день местный дворник, ворча и матюкаясь, грузил на тачку развороченные ночной бойней снеговые тела и увозил со двора. К вечеру был вычищен практически весь двор. На месте ночного побоища не осталось ничего, кроме голубоватой перламутровой пуговицы. Она осталась лежать на черном асфальте, нежно мерцая в тусклом свете подслеповатого фонаря.

Если бы кому-то из прохожих пришло в голову поднять её и крепко зажать в ладони, то он удивился бы тому, какая она теплая. А еще... он непременно бы услышал удивительную, почти

сказочную, историю Первой любви.

Но прохожие шли мимо. Они торопились попасть домой, чтобы доесть, оставшиеся после новогоднего застолья салат «Оливье» и селедку «Под шубой».

По всей видимости, прохожим не было никакого дела до любви...

Большие неприятности маленького Гнома

Жил-был Гном. Маленький и очень печальный. Маленьким он был оттого, что родился в семье гномов. В семье, где и дедушка, и бабушка, и папа, ну буквально все, были гномами. Ну, и мама, конечно, тоже была гномихой... или гномкой? Но это не самое важное. Важно, что наш Гном был совсем-совсем маленьким.

А почему печальный? А вот почему: вроде все у нашего Гнома хорошо и красиво: нос с крошечную редиску, глазки, как две любопытные бусинки, и ножки, как ножки, и ушки, как ушки, — маленькие, гномьи... или гномические? Но это уже не важно... Важнее всего, это — ручки. И от кого они ему только достались? Большие и длинные — они приносили Маленькому Гному массу хлопот и неприятностей.

Он, можно сказать, из-за этих самых ручек

всех друзей растерял. А как же хорошему, доброму Гному без друзей? Прямо скажем — никак! Он, если откровенно, из-за своих ручек вообще из дома выходить перестал. А все почему?

Вот выйдет, бывало, наш Маленький Гном на улицу свежим воздухом подышать. Свежий воздух ведь чаще всего после дождя бывает. Луж, конечно, полно вокруг.

Так вот, идет он по улице, через лужи перепрыгивает и руками размахивает. От удовольствия. А руки-то длинные, совсем не гномьи, или не гномические? Но это уже не важно. Важно, что хоть и от удовольствия, а глядишь в лужу-то и угодит.

Руки, надо сказать, у него всегда не очень чистые были. Вы только не подумайте, что он какой-то там грязнуля был. Не-ет. Он их мыл. И очень часто. И очень даже с мылом. Вообще хороший такой был Гном, чистоплотный. Только, как с такими длинными руками по улице гулять?

Дома совсем другое дело. Дома и веником, и тряпкой, и пылесосом можно. А на улице? Кому, скажите, в голову придет улицу мыть или пылесосить? Улица — она улица и есть. Можно их, конечно, над головой поднять. Но так, скажу я вам, гулять никакого удовольствия нет. Без специальной тренировки долго не продержишься. Да, и со стороны не очень-то приятно наблюдать такого

гуляющего Гнома. То ли гуляет, то ли голосует за кого-то. А за кого?

Так бы он и гулял. Только тут все его избегать стали. А все отчего? Идет, бывало, наш Гном по улице, а навстречу ему сосед шагает.

— Здорово, — говорит — так, мол и так, погода хорошая и все прочее, — и руку подает, чтобы поздороваться.

А Маленькому Гному и руку-то стыдно подать. Кому, скажите, понравится с Гномом здороваться у которого все руки испачканы. Прямо скажем — никому. Вот поэтому многие из знакомых — нашего Маленького Гнома избегать стали. Только один хороший такой гном, чуткий посоветовал: «Ты перед тем, как на улицу выходить, руки за спиной на узел завязывай!»

Послушался его Маленький Гном, долго старался, чтобы руки за спиной завязать. И, вполне довольный собой, вышел на улицу. А навстречу сосед идет. «Привет!» — кричит из самого издалека и руку подаёт. Наш Гном обрадовался, заспешил в ответ чистую руку протянуть для приветствия... Да не тут-то было! Развязать руки, оказывается, труднее, чем завязать. Тут без помощников никак не обойтись. Стоит наш Гном, пыхтит, краснеет, старается, а толку никакого. Сосед постоял, подождал да дальше пошел. Обиделся. Зазнался, думает, Маленький Гном — руки подать не хочет.

А наш малыш заплакал и домой вернулся. С тех пор стал называть себя Несчастливым Гномом. Сначала сам называл, а потом уже и другие к этому новому имени приучились. Так, может быть, и остался бы наш Гном на всю жизнь Несчастливым, только...

Сын того самого соседа, который на Гнома обиделся, вырос и поехал учиться. И не в какую-нибудь там простую школу, а в Академию наук поехал, за границу. И таким ученым оттуда вернулся, жуть! Все гномы его уважать стали и даже шапки снимали, здороваясь. А это самый большой признак уважения среди гномов.

И в гостях уже все у него побывали. И каждый успел сказать, что он самый умный и образованный Гном в их маленькой стране. Гномьей или гномической? Но это уже не важно. Важно, что вскоре Ученый Гном заскучал и вспомнил о своём старом приятеле.

И вот, отправился Ученый в гости к Несчастному. Застал он своего друга сидящим у окна. Печально смотрел Несчастный Гном на облака и беззвучно плакал.

— Здравствуй! — весело сказал Ученый.

— Здравствуй... — печально ответил Несчастный.

— Что с тобой? Отчего ты такой грустный? — спросил Ученый.

— Я очень и очень несчастный. Ты видишь, какие у меня маленькие глазки и маленький носик? И ножки, как ножки, и ушки, как ушки... А вот руки... Руки у меня совсем не гномьи, или гномические? Но, это не самое важное. Важно, что я самый несчастный гном на свете.

— Какая ерунда, — засмеялся Ученый сосед, — Вовсе ты не несчастный, ты просто непропорциональный.

— Какой?... — шепотом переспросил Несчастный Гном, и слезы его высохли.

— Не-про-пор-ци-о-нальный, — ответил умный и всезнающий сосед.

Это слово было новое и незнакомое, такое удивительное, такое непонятное, а главное — такое ученое.

И скоро наш Гном превратился из Несчастливого в Непропорционального. И все стали ему завидовать и уважать его. Ведь, действительно, сколько их вокруг одинаковых, пропорциональных, а такой — один-единственный в целой стране.

Теперь наш Гном свободно гуляет по улице и даже по лужам. И каждый знакомый спешит подать ему руку, не боясь испачкаться.

А все незнакомые снимают шляпы. А это самый первый признак уважения в стране. Гномьей или гномической? Но это уже не важно.

Сказка о плохих и хороших женах

Солнце выпустило на волю всех своих зайчиков. Разом вытряхнуло из мешка, щедро одаривая своим присутствием наступающий день. Они запрыгали по обоям, весело скользя по портьерам вниз. Потом принялись носиться по потолку, играя друг с другом в догонялки. Один из них скатился кубарем прямо на лицо крепко спящего мужчины. Тот недовольно поморщился и отвернулся к стенке. В комнату бесшумно вошла женщина, повесила на спинку стула рубашку, бережно расправив на ней воротничок, нежно провела ладошкой по рукаву. Потом с любовью поправила одеяло на спящем муже и так же неслышно удалилась.

В эту самую минуту с улицы на подоконник запрыгнул увесистый полосатый кот. Принюхался и заорал громко и протяжно: «Мя-я-яу!», озвучив на кошачьем языке приблизительно следующее: «Я всю ночь гулял и жутко проголодался!» Мужчина заворочался во сне, натягивая себе на голову одеяло. Второе «мяу» прозвучало еще требовательнее и еще нахальнее: «Похоже, в этом доме никому нет дела до того, что я жрать хочу!» Хозяин дома приподнялся на локте, не открывая глаз, нашарил под кроватью тапок и запустил им в кота. Тапок улетел в окно. Кот мастерски от него